

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

*К 145-летию со дня основания
Томского государственного университета
и 105-летию открытия историко-филологического факультета
Томского государственного университета*

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА, СООБЩЕСТВ, ГОСУДАРСТВ

**Сборник материалов XVII Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции студентов, магистрантов,
аспирантов и молодых ученых
(Томск, 20–22 апреля 2022 г.)**

Выпуск 17

Томск
Издательство Томского государственного университета
2022

5. Генинг В.Ф., Петрин В.Т. Раскопки Черноозерья II // Отчет об археологических исследованиях, проведенных в Омской области в 1969 г. Свердловск, 1969. 170 с.

6. Петрин В.Т. Отчет об археологических раскопках, произведенных на ст. Черноозерье II, в Саргатском районе Омской области в 1971 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4460.

7. Скандаков И.Е. Отчет о раскопках курганного могильника Усть-Тара VII в Тарском районе и о разведках в Тарском, Муромцевском и Саргатском районах Омской области в 1994 году. Омск, 1995. 57 с.

8. Горбунова Т.А., Шмидт И.В. Перспективы изучения памятника эпохи позднего палеолита Черноозерье II в Омской области (по результатам разведки 2013 г.) // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2014. № 1 (1). С. 59–62.

9. Шмидт И.В. Отчет о научно-исследовательской работе по проведению археологической разведки с осуществлением локальных земляных работ на территории коренной террасы левого берега р. Иртыш в Саргатском районе Омской области в 2015 году. Омск, 2016. 69 с.

10. Шмидт И.В. Отчет о результатах археологических полевых работ на территории объекта культурного наследия федерального значения «стоянка Черноозерье II» в Саргатском районе Омской области, проведенных в 2019 г. Омск, 2019. 57 с.

11. Шмидт И.В. Отчет о научно-исследовательской работе по проведению полевых археологических работ в Саргатском районе Омской области, в окрестностях д. Черноозерье, первая надпойменная терраса левого берега р. Иртыш в 2020 г. Омск, 2020. 57 с.

УДК 929

К.И. Бугреева

**Маркиз де Лафайет в исторической памяти:
между «героем двух миров» и «политическим насекомым»**

Секция I: Изобретая прошлое: акторы, практики, нарративы

Жильбер де Лафайет является одной из ключевых фигур не только во французской, но и в американской истории. Уже при жизни образ маркиза был далек от однозначной оценки. Подвергшись критике со стороны различных политических сил, деятельность де Лафайета обесценивается, а с течением времени подвергается историческому забвению. Но историографическая ценность фигуры маркиза заключается в уникальности его жизненного пути и кросскультурного характера исторической памяти.

Ключевые слова: Маркиз де Лафайет, историческая память, историческое забвение, Великая французская революция, Американская война за независимость

Жильбер де Лафайет не создавал утопические теории, не начинал террор, не завоевывал другую страну, не был правителем и не устанавливал законы. Но при этом невозможно недооценить его заслуги перед Францией, и в то же время заметна его роль в формировании и утверждении американского демократического идеала. Он все еще остается тем человеком, память о котором почитается равно как в Старом Свете, так и в Новом, правда почитание это носит весьма различный характер. Маркиз за несколько десятилетий своей насыщенной жизни успел побывать по обе стороны революционных баррикад, заслужить как уважение, так и презрение. В нашей стране имя Жильбера де Лафайета редко упоминается в учебниках в параграфе о Великой французской революции, в отличие от имен М. Робеспьера, Э. Сийеса, О.Г. Мирабо или Ж. Дантона. Для французов имя Лафайета хоть и популярно, но все-таки обладает не совсем положительными коннотациями. В США же он заслужил посмертный почет и славу, сравнимую с популярностью отцов-основателей. Из одиозной неоднозначности фигуры Лафайета и вытекает цель данной работы – показать, с одной стороны, многогранность исторической памяти о деятелях прошлого, а с другой – ее избирательность и, в каком-то роде, беспощадность. Нельзя не отметить ту осторожность, а также отсутствие полноты в современных его биографиях – больший интерес уделяется ранней жизни маркиза, а не его карьере в XIX в. Почему при всех заслугах и прижизненной славе память о маркизе де Лафайете столь скудна и скромна? Какие факторы биографии маркиза повлияли на это?

Здесь не предполагается полный обзор биографии Лафайета, об этом уже написано достаточно монографий. Но для понимания, почему все-таки при всей своей значимости маркиз не имеет однозначной благоприятной репутации у себя на родине, как некоторые его современники, необходимо рассмотреть несколько моментов. Однажды он напишет: «Как только при мне было произнесено слово “Америка”, я полюбил ее: едва я узнал, что она борется за свою свободу, как меня охватило желание пролить за нее мою кровь...» [1. С. 176]. Юный маркиз направился в Новый Свет для помощи делу Штатов. Это авантюрное предприятие заканчивается ни больше ни меньше вступлением в войну французов, которые в союзе с новообразо-

ванными Штатами сумели одержать победу над войсками Великобритании. За время своего пребывания на поле Войны за независимость Лафайет участвовал в нескольких крупных сухопутных и морских сражениях. Маркиз также финансово помогал континентальной армии до окончательного вступления Франции в боевые действия. Лафайет возвращается героем во Францию. Через несколько лет перипетии 1789 г. снова ненадолго возвращают Лафайета в гушу событий, но революция, гонимая массами, неуправляемая, отвергает его. Он боролся за свободу в Старом и Новом Свете, но, в конце концов, сам стал заключенным в Ольмюце, лишенным права голоса в своей стране. Нужно отметить, что Лафайет высоко ценил американскую модель государства, но не верил в возможность осуществления ее на территории Франции. Именно по этой причине Лафайет медлил, и медлил именно в тот момент, когда ситуация требовала другого. В итоге на фоне деятельности якобинцев, роялистов, жирондистов и других принятые маркизом решения оказались недостаточными, как и его действия на посту командующего Национальной гвардией. Ходили слухи, активно поддерживаемые якобинцами, что маркиз покушается на власть. Другим обвинением тех же якобинцев в дальнейшем будет расстрел демонстрации на Марсовом поле в июле 1791 г., которая станет тем фактором, который способствовал потере былой популярности командующего. Что касается короля и роялистов, то сам факт того, что Лафайет одним из первых переходит в Зал для игры в мяч, его участие в деятельности Учредительного собрания отвернули от него аристократические круги. За все время Лафайет не отступил от своих принципов, но людьми это трактовалось как малодушие, властолюбие и высокомерие.

Так сложилось, что у одного человека было две репутации. Защитник и герой, с одной стороны, выглядит как безжалостный деспот и первый душитель свободы – с другой. Показательными являются обличающие Лафайета письма и речи М. Робеспьера [2], который каждый раз обличал Лафайета как «самого подлого, самого жестокого, самого отвратительного из тиранов». Каждый раз, когда Робеспьер упоминает имя маркиза, поток нелицеприятных слов обрушивается на человека, который даже оправдаться в своих действиях не смог без ущерба для репутации, уничтожая авторитет и влияние командующего Национальной гвардии. А тем временем Лафайет был не последним человеком в те дни: его небывалая популярность в народе обеспечила ему должность в Национальной гвардии, он стал одним из первых

дворян, которые присоединились к третьему сословию, более того, Декларация прав человека и гражданина написана не без участия маркиза. Но факт того, что командующий настаивал на идее конституционной монархии при популярности республиканских идей и избегал массовых столкновений, собраний народа, создал ему репутацию роялиста и человека, держащегося за старый порядок. Некоторые якобинцы не стеснялись в выражениях, но вплоть до бегства Лафайета из Франции в 1792 г. его слава и уважение в народе не померкли, несмотря на значительное охлаждение к нему. И каждый раз Робеспьер, обличавший маркиза, стремился открыть его пороки перед обществом, отнять у него уважение народа. Речи Робеспьера были обращены к потомкам, которые в будущем будут «краснеть и за то, чем Лафайет был, и за то, чем хотел стать» [2].

Есть несколько социокультурных факторов, которые повлияли на формирование образа Жильбера де Лафайета в историческом и общественном сознании. Во-первых, его политические предпочтения. Лафайет стремился к свободе как к некоей константе, необходимому условию человеческого существования, обязательному праву [3]. Но действительность была такова, что стремления, которые в Америке были приемлемы, во Франции столкнулись с жёстким сопротивлением современников. Возможно, именно взгляды Лафайета на свободу и равенство так отвернули от него тех, кто видел в Великой французской революции методы слома старого и построения нового режима. Эти взгляды отличались от радикальных взглядов тех же якобинцев, потому как призыв к свободе не был ядром Великой французской революции, целью ее было уничтожение старого режима, разрушение старых сословий и равенство [4].

Во-вторых, как историки, так и современники отмечают, что Лафайет не был политиком, ему недоставало адаптивных навыков, способности поступиться своими идеалами по необходимости. Он попросту не мог занять свою политическую нишу по причине ее отсутствия. Слишком радикальный для монархистов, но при этом роялист для республиканцев, Лафайет мог бы найти «своих» среди умеренных сторонников конституционной монархии, но такого «компромиссного» политического руслу во Франции не было. В итоге его обвиняли в неспособности что-либо предпринять с высоты такого положения.

В-третьих, если обращаться к характеру общей репутации маркиза, то полной картины мы не получим. Большой симпатией пропитаны произ-

ведения западных историков, преимущественно американцев, для которых деятельность Лафайета остается национальным достоянием [4]. Портрет французского аристократа запечатлен не только в исторической науке, в США более сорока городов, улицы, площади, эскадрильи и военные корабли носят его имя. Через несколько десятилетий после Войны за независимость уже пожилой маркиз вновь очарует жителей США, боготворивших одно его имя, своим турне. Национальный герой, памятник которому стоит рядом с памятником Вашингтону рядом с Белым домом, отпечатался в умах каждого американца, которые точно знают хотя бы имя Лафайета [5].

В заключение стоит сказать, что хоть Жильбер де Лафайет был и остается национальным героем Франции, но его наследие принадлежит и другим странам, в жизни которых он оставил отпечаток. Этот кросскультурный характер его биографии [4. Р. 276] обеспечил ему место в современной исторической памяти, несмотря на некоторое пренебрежение со стороны историков. Достоинства и деяния маркиза де Лафайета обеспечили ему свою нишу в истории Войны за независимость, Великой французской революции, Июльской монархии. Он был главнокомандующим Национальной гвардии, генералом штаба Вашингтона, одним из авторов Декларации прав человека и гражданина, масоном, маркизом и, наконец, гражданином. Лафайет сделал недостаточно для революции, для монархии, для народа, чтобы историки обращались к нему с таким же трепетом, с которым они пишут о Сен-Жюсте или Дантоне, но все равно он остается предметом гордости и почитания во Франции. Являясь видным деятелем революций, он все же отличался от тех, кто составлял их ядро, и поэтому, даже находясь в центре, так или иначе он был оттеснен на периферию в историческом пространстве. На это повлияло несколько факторов: идеалы самого Лафайета, который так и не смог найти компромисса между современными ему идеями и своими собственными убеждениями; фактор национальной принадлежности – деятельность маркиза была связана более с Францией, здесь он оставил более заметный и неоднозначный след (Великая французская революция, Июльская монархия), тогда как в США он запомнился как юный самоотверженный деятель свободы, здесь же широко распространился упрощенный символический образ героя [6]. К 200-летию Великой французской революции его назвали одним из самых знаменитых деятелей революции. Этот факт отмеча-

ется и у П.П. Черкасова, и у американского историка Л. Крамера – Лафайет намного более популярен среди широких масс населения, чем в недрах элитарного исторического круга [4. Р. 273]. В конечном итоге, несмотря на всю избирательность революционной и постреволюционной французской истории, жизнь Лафайета, уже не маркиза, а просто человека, превратилась, по словам того же Крамера, в символ – символ, которым восхищались и критиковали. Сам же он не считал важным оправдывать свои действия ничем иным, кроме собственных убеждений и оптимизма человека, верящего в будущее своей страны. Жизнь его распорядилась так, что многие современники превозносили его до небес, но столько же людей с сильнейшей критикой обрушивались на его деятельность. Возможно, именно благодаря своему идеализму и в некотором роде оптимизму Лафайет последовательно шел по тому пути, который сам выбрал для себя, когда впервые пересек океан. Не было ни компромиссов, ни сделок с совестью, этот человек попросту сам создавал свою собственную историю, оставив в памяти современников и потомков привлекательный романтический образ.

Источники и литература

1. Черкасов П.П. Лафайет: политическая биография. М. : Мысль, 1991. 376 с.
2. Робеспьер М. Избранные произведения : в 3 т. М. : Наука, 1965. 554 с.
3. Bokobza S. Liberty Versus Equality: The Marquis de La Fayette and France // The French Review. Vol. 83, № 1. P. 114–131.
4. Kramer L. Lafayette in Two Worlds // Public Cultures and Personal Identities in an Age of Revolutions. North Carolina, 2000. 368 p.
5. Charles J. Stillé The Marquis de La Fayette in the American Revolution Source // The Pennsylvania Magazine of History and Biography. Vol. 19, № 1. P. 1–21.
6. Гурченко Н.А. Советская историография американской революции XVIII в. (1985–1991 гг.) // Труды Белгородского государственного технического университета. Серия 6: История, философия. 2019. № 2 (227). С. 63–67.

УДК [001.89:256]:930(470)

А.А. Бурнаков

Основные проблемы и подходы в исследовании шаманизма в отечественной историографии

Секция IX: Этнокультурное многообразие Евразии в историческом контексте

В статье освещаются основные проблемы и подходы в исследовании шаманизма в отечественной историографии. Рассматриваются мнения